Проблемы исторического прошлого в послевоенных отношениях Японии со странами Восточной Азии

Д. В. Стрельцов

В статье рассматриваются роль и место некоторых проблем исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями, включая проблему официальных извинений, проблему «женщин комфорта», проблему учебников истории, а также проблему визитов японских официальных лиц в синтоистский храм Ясукуни. В работе подчеркивается, что по причине неурегулированности этих проблем дипломатические, экономические, культурные и иные контакты Японии с Китаем и Республикой Корея сталкиваются с большими трудностями. Подробно анализируются причины неурегулированности этих проблем, в том числе и связанные с различиями в подходе Японии и стран Восточной Азии к историческому наследию Второй мировой войны, а также с феноменом «запаздывания» в деле постановки этих проблем в международно-политическую повестку дня.

Ключевые слова: Проблемы исторического прошлого, комплекс виictimности, «женщины комфорта», официальные извинения, учебники истории, визиты в храм Ясукуни, заявление Мураяма, лозунг «покончить послевоенным режимом».

На протяжении всего послевоенного периода проблемы исторического прошлого занимали заметное место в международных отношениях послевоенной Японии со странами Восточной Азии. Особенно остро они стали проявлять себя в постбиполярный период на фоне усилившегося позиционирования Японии в международном сообществе как «нормальной страны», т. е. государства, не обремененного конституционными и иными ограничениями на военное строительство, а также ее стремления взять на себя роль мирового политического лидера.

Одна из главных претензий стран-соседей заключается в том, что Япония не понесла всей полноты ответственности за те злодеяния, которые она совершила в период своего имперского прошлого. Особенно это касается периода Второй мировой войны, когда японская военная оккупация причинила огромные страдания народам Азии. С 1931 по 1945 гг. Япония вела агрессивную войну в отношении стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Японские войска оккупировали важные стратегические населенные пункты Китая и других стран. Имели место массовые убийства и многочисленные случаи проявления насилия, в том числе в отношении мирного населения, а также военнопленных.

Существует множество оценок масштаба ущерба, причиненного народам Азии. Например, в Нанкине, согласно китайским источникам, в июле 1937 г. от рук японцев погибло более 300 тыс. мирных жителей, включая стариков и детей, а от 20 до 80 тыс. женщин было изнасиловано¹. Японские оценки числа жертв существенно более скромные, однако факт массовых убийств и изнасилований не подвергается сомнению и там.

Население оккупированных стран подвергалось насильственным трудовым мобилизациям. Во многих районах Китая японская военная оккупация спровоцировала массовый голод. Широкою международную известность получила деятельность специального подразделения японской армии – Отряда 731, который занимался в районе Харбина подготовкой бактериологической войны. Жертвы преступных опытов Отряда 731, среди которых были как китайцы, так и представители других стран, подвергались инфицированию такими смертельными болезнями, как сибирская язва и бубонная чума. Есть свидетельство о том, что военнослужащие японской императорской армии перед самым окончанием войны выпустили в Харбине крыс, зараженных бубонной чумой, что привело в 1947 г. к гибели 30 тыс. китайцев²

Еще одним примером жестокости стало насильственное привлечение для нужд японской армии т. н. «комфортных женщин» (корейнок, филиппинок, голландок и др.) в качестве сексуальных рабынь. Проблема «комфортных женщин» стала в послевоенный период причиной серьезных дипломатических конфликтов Японии с Южной Кореей, а также Филиппинами и Нидерландами.

Между тем наказание, наложенное Международным военным трибуналом для Дальнего Востока и несколькими трибуналами в других странах на руководство Японии военного времени, коснулось в основном лишь ограниченной группы высокопоставленных военных политиков и бюрократов. Так, Токийский трибунал вынес обвинительные приговоры лишь в отношении 25 лиц, из которых семь человек, включая двух бывших премьер-министров, были повешены. От какой-либо ответственности был полностью освобожден японский император, который являлся главой государства в военный период.

Практически все осужденные лица, приговоренные к тюремному заключению, к концу 1950-х гг. были амнистированы. В конце 1970-х гг. Х. Годзэ и 13 прочих военных преступников класса А были скрытно внесены в канонизированные списки японцев, погибших за родину на полях сражений, которые хранятся в синтоистском храме Ясукуни. Большинство крупных японских политических деятелей послевоенного

¹ Moore Gregory J. History, Nationalism and Face in Sino-Japanese Relations // Journal of Chinese Political Science. 2010. No. 15. P. 289.

² Ibid.

периода не просто начинали карьеру, но и занимали крупные посты в государственном аппарате либо лояльных милитаристскому режиму политических партиях Японии военного времени. Среди них, например, можно назвать послевоенных премьер-министров Японии С. Ёсида, И. Хатояма, Н. Киси.

Между тем многие из проблем исторического прошлого, ставших предметом конфликта в межгосударственных отношениях Японии с соседями, стали предметом разбирательства лишь в недавний по историческим меркам период. Даже проблемы, касающиеся Второй мировой войны, в первые послевоенные десятилетия не поднимались, а зачастую практически полностью замалчивались. Так, вопрос о «комфортных женщинах» как международно-политическая проблема появился лишь в начале 1980-х гг., проблема учебников истории – в конце 1970-х гг., проблема храма Ясукуни – в первой половине 1980-х гг. Существенное «запаздывание» с выдвиганием вопроса об ответственности Японии порождало в глазах многих азиатских народов ощущение того, что Япония так и не понесла должного наказания за грехи военного времени.

В свою очередь, среди существенной части японского общественного мнения сложилось представление о том, что видение истории, в котором Япония предстает в неприглядном свете, является продуктом политической пропаганды и не соответствует действительности. Согласно распространенному мнению, японская армия продвигалась в 1930-е гг. в страны Азии, сражаясь за правое дело – освободить азиатские народы от белых колонизаторов. К тому же относительно слабые наказания японских военных преступников, назначенные Токийским военным трибуналом, в соответствии с этой точкой зрения, явились свидетельством того что, разговоры о зверствах японской императорской армии на материке есть досужие вымыслы³.

Установлению подобного взгляда способствовало то обстоятельство, что в большинстве стран, являвшихся противниками Японии и пострадавших от японской агрессии, в первые послевоенные десятилетия преобладала точка зрения о нецелесообразности привлечения излишнего внимания к преступлениям японского милитаризма.

Так, в коммунистическом Китае в 1950 – 1960-е гг. критика Японии и даже напоминание о понесенных китайским народом страданиях считались «нетактичными». Свою роль играло нежелание лишний раз раздражать Токио: цель КПК заключалась в том, чтобы вырваться из дипломатической изоляции и получить дипломатическое признание западных стран, и в том числе Японии. Кроме того, в официальной китайской историографии японская военщина была отнюдь не самым опасным врагом – гораздо более страшным противником считался чанкайшистский режим.

³ *Lawson Stephanie and Tannaka Seiko. War memories and Japan's 'normalization' as an international actor: A critical analysis//European Journal of International Relations. 2011. No 17. P. 411.*

Наконец, в рамках коммунистической идеологии превалировало представление о необходимости разделения ответственности народа и власти: японский народ, согласно этому взгляду, сам был жертвой относительно немногочисленной клики милитаристов, а обвинять в преступлениях весь народ было нельзя. Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай заявили, что за агрессию Японию должен нести ответственность ограниченный круг милитаристов, а вовсе не японский народ»⁴.

Именно по этой причине крупных расследований преступлений японцев в 1950–60-е гг. в КНР практически не проводилось. Не поднимал в переговорах с японцами Пекин и проблему репараций, даже в период, когда накануне восстановления двухсторонних отношений у Китая было гораздо больше оснований ставить этот вопрос.

Вплоть до начала 1970-х гг. не подвергалась на официальном уровне серьезной критике Япония за свое военное прошлое и со стороны Южной Кореи. Когда в 1965 г. встал вопрос о восстановлении дипломатических отношений, южнокорейская сторона с готовностью согласилась на заключение секретной сделки об оказании «финансовой помощи» объемом около 500 млн. долл., которые позиционировались именно как помощь, а не репарации. Во многом это было сделано по настоянию японской стороны, не желавшей заострять внимание на своей ответственности, однако нельзя забывать и о том, что тогдашний южнокорейский диктатор Пак Чжон Хи в своих решениях имел больше возможностей, чем с началом демократического времени, принимать решения единолично, исходя из собственных представлений о политической целесообразности. Уместно отметить, что предоставленный тогда Токио пакет финансовой помощи Сеулу позволил провести модернизацию инфраструктуры и по сути стал одним из факторов корейского экономического чуда. Вместе с тем, с точки зрения общественного мнения демократической Южной Кореи, Пак Чжон Хи совершил предательство, пойдя на унижительную сделку с японцами⁵.

Достаточно либеральным было отношение к историческим грехам Японии и в Соединенных Штатах. Отчасти это было связано с тем, что фокус внимания официальной американской историографии был сосредоточен на Тихоокеанской войне ('Pacific War'), т. е. с операциях с участием армии США в бассейне Тихого океана, тогда как боевые действия Японии в Китае и других странах Восточной и Юго-Восточной Азии, по сути, оказывались на периферии исследовательского интереса. Основную вину на Японию американцы возлагали за ее нападение на

⁴ *Onuma Yasuaki*. Japanese War Guilt and Postwar Responsibilities of Japan// Berkeley Journal of International Law. 2002. No. 20. P. 601.

⁵ Подтверждением этому стала нарочито антияпонская линия пришедшей к власти в 2012 г. президента Республики Корея Пак Кын Хе, вынужденной демонстрировать показную жесткость по отношению к Японии, чтобы избавиться от ярлыка дочери «предателя».

Пирл-Харбор, которое в их глазах перевешивало любые действия японских военных на материке. Некоторое освещение в американской историографии обвинения получила тема плохого отношения к военнопленным из армии США и их союзников, а также тема изнасилований голландок и филиппинок и их насильственной сексуальной эксплуатации в японских военных борделях (следует признать, впрочем, что до уровня проблемы «женщин комфорта», вставшей во весь рост с начала 1990-х гг., эта тема явно не дотягивала – сказывалось отношение к данному феномену как к неизбежному и явно не самому крупному злу военного времени).

Кроме того, свою роль в игнорировании проблемы преступлений японской императорской армии на материке играло то обстоятельство, что оккупационная администрация США на определенном этапе стала поддерживать идею «патриотизма» в японском обществе, рассчитывая использовать его в качестве рычага для консолидации японской нации в целях борьбы с коммунизмом (особенно сильно это стало заметно с началом Корейской войны).

Что касается Советского Союза, то по понятным причинам гораздо больше внимания послевоенная советская историография уделяла вопросам, связанным с Великой Отечественной войной. Вступление СССР в войну с Японией, помимо того, что это было уже эпизодом не Великой отечественной, а Второй мировой войны, в большей степени подавалось не как возмездие за совершенные японской военщиной преступления, а как выполнение обязательств СССР перед союзниками. К тому же, в отличие от Китая и государств Корейского полуострова, СССР после подписания Совместной декларации 1956 г. считал все вопросы в двусторонних отношениях с Японией, связанные со Второй мировой войной, урегулированными, что не давало оснований заострять внимание на «нерешенности» проблем недавнего прошлого. Кроме того, сказывалась ситуация геополитического соперничества с Вашингтоном: действуя в русле логики холодной войны, Москва продолжала питать надежду на то, чтобы оттянуть Японию от союза с США или хотя бы нейтрализовать ее. Поскольку политические отношения между двумя странами продолжали оставаться натянутыми, во многом из-за нерешенной проблемы мирного договора, создавать дополнительные препоны на пути размораживания этих отношений Москва не хотела. Свою роль играл и разгоравшийся в 1960-е гг. советско-китайский конфликт – чрезмерные пропагандистские нападки на Японию за действия императорской армии в Китае выглядели бы как косвенная поддержка китайского взгляда на историю. В этих условиях официальная советская историография воздерживалась от чересчур энергичной критики Японии за преступления военного времени, сосредоточив усилия на борьбе с призраком возрождающегося японского милитаризма.

В самой же Японии видение собственного неприглядного исторического прошлого в широком общественном сознании проявлялось в не критичном к нему отношении, в приукрашивании реального положения дел и нежелании решительно размежеваться с довоенной государственной системой. Свою роль играли национально-психологические особенности японской нации, которые председатель фонда Asia Foundation А. Хорват относит к числу причин того, что называют «коллективной амнезией»⁶. В их числе часто называется особая роль категории «стыда» и *большая*, по сравнению с европейцами, степень неготовности к признанию собственных ошибок и соответствующему покаянию, а также *большая* восприимчивость к риску «потери лица» в глазах окружающих. Кроме того, среди японцев считается «плохой манерой» вспоминать о собственных страданиях.

Однако относить все к фактору национальной психологии было бы неверно. Большую роль играли иные причины, находящиеся в сфере внутренней и внешней политики.

Прежде всего, самокритике не способствовали те внешнеполитические условия, в которых Япония строила свою послевоенную дипломатию. Японии нужно было восстановить свои экономические позиции в странах Восточной Азии, а для этого – реабилитировать себя в глазах тамошнего общественного мнения. Поэтому азиатская дипломатия Токио во многом строилась на борьбе с нежелательной «исторической памятью». Была поставлена задача создать имидж Японии, от которой больше не исходит милитаристская угроза (именно эта идея, например, была одной из основных в азиатской доктрине Фукуда, выдвинутой в 1977 г.). По этой причине «мазохистский» взгляд на историю отнюдь не приветствовался на официальном уровне, поскольку привлекал «нездоровое» внимание к недавнему историческому прошлому и соответственно наносил ущерб светлому образу Японии. В этом заключалось отличие Японии от послевоенной Германии, которая позиционировала себя как государство, не являющееся преемником довоенного нацистского режима и потому не боящееся активно использовать идею активного отрицания собственного нацистского прошлого для создания своего имиджа за рубежом.

Другим отличием от Германии явилось то, что негативное в целом отношение в Японии к собственному милитаристскому прошлому сочеталось там с психологическим комплексом виктимности, т. е. ощущением собственного страдания, рождавшим на уровне массового сознания чувство психологического комфорта. Ничего подобного в послевоенной Германии не наблюдалось.

⁶ Horvat Andrew. Overcoming the Negative Legacy of the Past: Why Europe is a Positive Example for East Asia//The Brown Journal of International Affairs. 2004. Volume XI. Issue 1. P. 143

Существует несколько причин устойчивости комплекса виктимности, самопроизводившегося в нескольких послевоенных поколениях японцев. В период оккупации сами оккупационные власти США поддерживали тезис о нации-жертве с целью ослабить враждебность со стороны населения и повысить степень управляемости страной. Внедрение в широкое общественное сознание идеи о том, что японский народ сам стал жертвой милитаристского режима, позволяло провести четкую разграничительную линию между милитаристской кликой и пострадавшим от ее действий населением. Разнесение по разные стороны баррикад нации и государства логически подводило к заключению о том, что японский народ не может нести ответственность за преступные решения своих лидеров. В свою очередь, это способствовало укреплению легитимности оккупационного правления и создавало дополнительный барьер против возрождения милитаризма⁷.

Этот же подход естественным образом легитимировал императора Хирохито, образ которого усилиями правящей элиты при одобрении американской оккупационной администрации удалось отделить от мрачного облика милитаристского режима. По мнению проф. Лейденского университета Р. Керстен, в этом проявился «пораженческий ревизионизм» (defeat revisionism), основанный на консенсусе между японскими консервативными элитами и американскими властями⁸.

Комплекс виктимности подпитывался аргументами о том, что японский народ в период Второй мировой войны сам понес огромные жертвы и испытал неопишуемые страдания, а потому уже с лихвой окупил свои грехи. Из 74 млн. населения Японской империи в ходе войны погибло около трех млн. чел., в том числе около 800 тыс. мирных жителей. В ходе атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки погибло несколько сотен тысяч человек, а страдания «хибакуся» продолжались на протяжении многих послевоенных десятилетий. Практически все японцы хорошо знают и о ковровых бомбардировках Японии с воздуха американцами весны-лета 1945 г. Например, в результате бомбежки Токио 10 марта 1945 г. от бомб и вызванного ими пламени погибло около 100 тыс. жителей.

Помимо комплекса виктимности, повлияла на восприятие массовым сознанием итогов Второй мировой войны и либеральная политика американских оккупационных властей, которые, борясь с коммунистической угрозой, фактически пошли на сделку с тогдашним японским политико-бюрократическим истеблишментом, отказавшись от массовых чисток государственного аппарата по германской модели и полностью

⁷ Bukh A. Japan's history textbook debate: National identity in narratives of victimhood and victimization // *Asian Survey*. 2007. No. 47(5). P. 690.

⁸ Kersten R. Revisionism, reaction and the 'symbol emperor' in post-war Japan // *Japan Forum*. 2003. № 15(1). P. 19.

или частично освободив представителей этого истеблишмента от ответственности за сотрудничество с милитаристским режимом. Достаточно снисходительными к Японии были и условия Сан-францисского мирного договора, по которым Япония практически полностью освобождалась от репараций.

Относительно умеренные, по сравнению с Германией, результаты послевоенных политических чисток, наряду с восприятием японской вины во Второй мировой войне через призму собственной виктимности, давали многим японцам основания ощущать себя жертвой в не меньшей степени, чем страны Восточной Азии, пострадавшие от японской агрессии. Некоторые исследователи считают, что это явилось одной из причин того, что японцы не могли осознать до конца масштаб страданий, причиненных ими азиатским народам⁹.

Комплекс виктимности поддерживался как трудами консервативных ученых, так и усилиями официальных властей, которые периодически ставили вопрос о необходимости усилении «патриотического воспитания» в стране. Особый упор делался на те факты истории Второй мировой войны, которые подтверждали тезис о несправедливом отношении к Японии со стороны стран коалиции. Широкое распространение получила теория о том, что Токийский трибунал являл собой «суд победителей», а его решения были изначально необъективны. Осужденные и казненные по решению трибунала военные преступники класса А, в соответствии с данной теорией, уже «искупили грехи» нации, а потому их канонизация в храме Ясукуни не представляет ни юридической, ни этической проблемы. Характерным в этом смысле является заявление министра финансов Ё. Нода, сделанное им в августе 2011 г., который сказал, что канонизированные в храме Ясукуни военные преступники класса А «больше не являются военными преступниками», поскольку они уже понесли должную ответственность судебным порядком (были помилованы, освобождены после отбытия тюремного срока или казнены)¹⁰.

Интересно, что комплекс виктимности проявлялся и в отношениях Японии с Советским Союзом, а именно – в подходе официального Токио к проблеме «северных территорий». Япония продолжала придерживаться позиции, что ялтинские соглашения, определившие судьбу Курил, были заключены за ее спиной, а потому именно она является пострадавшей стороной в территориальном конфликте с Москвой. Через призму виктимности воспринималось большинством японских историков и вступление СССР в войну против Японии в августе 1945 г. В этом факте многие японцы видели лишь свидетельство вероломства и величайшей несправедливости (вспоминается нарушение Москвой Пакта о нейтралитете).

⁹ См., напр., *Onuma Yasuaki*. Japanese War Guilt and Postwar Responsibilities of Japan // *Berkeley Journal of International Law*. 2002. No. 20. P. 604.

¹⁰ Асахи симбун. 18.08.2011.

тете), а вовсе не историческое событие, позволившее существенно ускорить конец Второй мировой войны. (Разительным контрастом было в этом плане отношение многих японцев к атомным бомбардировкам Японии американцами, которые воспринимались именно как подобное событие)¹¹.

Виктимизированный менталитет японцев являет собой любопытный феномен. Казалось бы, виктимность должна порождать реваншизм, о чем свидетельствует исторический опыт Веймарской республики. Однако в реальности комплекс виктимности играл диаметрально противоположную роль на разных этапах послевоенной истории Японии. В первые послевоенные десятилетия виктимность, скорее, подпитывала пацифизм в общественном сознании, выступая своего рода политическим ресурсом для оппозиционно настроенных сил левой и центристской ориентации. Это не могла не учитывать и правящая партия, претендовавшая на роль общенациональной политической силы: даже при относительном преобладании в ЛДП мнения о необходимости пересмотра конституции вопрос о внесении в нее поправок даже не был поставлен в политическую повестку дня.

В то же время начиная с конца 1970-х гг., когда набравшая экономическую мощь Япония стала все активнее позиционировать себя как держава регионального и даже глобального уровня, комплекс виктимности стал играть уже в пользу исторического ревизионизма, проявлениями которого стали призывы «подвести итоги» послевоенной политики, изменить конституцию, навязанную стране американцами, возродить полноценные вооруженные силы и стать «нормальным государством». Как отмечал проф. университета Кэйо Ё. Соэя, «сочетание исторического ревизионизма и «активной дипломатии», ориентированной на западные ценности, является продуктом травмы сознания, нанесенной Японии в результате поражения в войне и последующего периода оккупации, которые, как считают многие, привели к феномену “недостаточной независимости” послевоенной Японии»¹².

В международно-политическом плане проблема исторической памяти нередко проявляла себя на протяжении всего послевоенного периода в вопросе об официальных извинениях. Япония стремилась к тому, чтобы вопрос об извинениях, причем не только в отношении периода Второй мировой войны, но и более раннего времени, включая период второй половины XIX века, когда Япония проводила экспансионистскую политику на Корейском полуострове, не находился в отношениях с восточноазиатскими соседями в центре политической повестки дня.

¹¹ *Onuma Yasuaki*. Japanese War Guilt and Postwar Responsibilities of Japan // *Berkeley Journal of International Law*. 2002. No. 20. P. 604.

¹² *Japan as a ‘Normal Country’: a Nation in Search of its Place in the World* // Ed. By Yoshihide Soeya, Masayuki Tadokoro and David A. Welch. University of Toronto Press, 2012. P. 78.

Между тем Китай в своих отношениях с Японией периодически отдавал приоритет вопросу об извинениях, придавая ему особое значение. В рамках китаецентристской вассально-даннической системы внешнее проявление церемониала оказывается существенно более важным, нежели содержательная сторона этих отношений. Как отмечал российский исследователь Г. Ф. Кунадзе, огромное значение имеет не только факт извинения, но и место и время, выбранное для его выражения, форма, в которую оно облечено, манера, в которой оно принято¹³. Характерной в этом смысле была позиция Китая в 1972 г. на переговорах в Пекине по восстановлению отношений. Китай тогда потребовал от японской стороны однозначного покаяния за военное прошлое. Между тем выбранная японским премьер-министром К. Танака форма извинения, выраженная во фразе «Извините за доставленное беспокойство», чуть не сорвала переговоры, вызвав резкое неприятие и даже гнев со стороны представлявшего Китай Чжоу Эньлая. Лишь Мао Цзэдун смог «примирить» двух премьеров, призвав их «смотреть в будущее и не оглядываться назад»¹⁴.

С начала 1980-х гг. японские руководители более десяти раз выражали в различных формах и по различным случаям извинения в адрес азиатских народов. Особенно актуальность проблемы извинений выросла с началом 1990-х гг., когда Япония поставила перед собой задачу существенно повысить свою глобальную политическую роль, для решения которой нужно было заручиться поддержкой азиатских стран (Япония позиционировала себя как представителя Азии в Большой восьмерке, в ООН и иных международных форматах). Сразу несколько японских премьер-министров выступили с заявлениями, осуждающими милитаристское прошлое страны. Так, М. Хосокава в своей речи 15 августа 1993 г. на ежегодной церемонии, посвящённой окончанию Второй мировой войны, признал, что война, которую вела тогда Япония, была агрессивной. Это было первое за всю послевоенную историю признание подобного рода – ранее японские официальные лица предпочитали вообще не использовать термин «агрессия».

15 августа 1995 г. глава кабинета министров социалист Т. Мураяма, выступая на церемонии в честь годовщины окончания войны, заявил: «В период не столь далекого исторического прошлого Япония, проводя ошибочную государственную политику, пошла по пути к войне, которая привела японскую нацию к роковому кризису. Действуя путем установления колониального господства и агрессии, Япония нанесла огромный ущерб и страдания многим странам, и особенно народам Азии»¹⁵. Япон-

¹³ Кунадзе Г. Ф. Япония и Китай: бремя «особых отношений» // Японский калейдоскоп. М., 2006. с. 232.

¹⁴ Там же

¹⁵ Цит. по Japan Times 15.08.2012.

ский премьер-министр выразил далее чувство глубокого раскаяния и выразил искренние извинения за содеянное.

Заявление Мураяма считается на сегодняшний день наиболее сильным высказыванием лидера японского государства, выражающим осуждение темных сторон исторического прошлого страны. Главное его значение заключалось в том, что признание вины за ошибки прошлого позволяло Японии заложить более прочные основания под ее отношения с азиатскими странами. В дальнейшем все правительства Японии, включая те, что возглавлялись относительно правыми политиками, подтверждали свою приверженность данному заявлению.

После Т. Мураяма резонансными были также высказывания премьер-министра Дз. Коидзуми. Выступая в апреле 2005 г. в Джакарте на саммите стран Азии и Африки, японский лидер выразил свои извинения и заявил о том, что Япония никогда не станет военной державой. А 15 августа 2005 г., в годовщину принятия Японией Потсдамской декларации, Дз. Коидзуми заявил о своем «смирённом признании» исторических фактов и «чистосердечном раскаянии»¹⁶.

Несмотря на неоднократное выражение японскими лидерами извинений, данная проблема продолжала постоянно возникать в отношениях Японии с соседями. Ясно, что устойчивость этого феномена нельзя объяснить только недостаточной искренностью раскаяния со стороны Японии. Проблема в том, что стороны оценивают этот вопрос с разных позиций. Так, в Японии распространена точка зрения, что японские лидеры уже и так неоднократно извинялись за военное прошлое, а своей экономической помощью Китаю, Южной Корее и иным странам Азии Япония с лихвой искупила прошлые грехи, поэтому данную проблему можно считать исчерпанной. К тому же в Японии выросло уже новое поколение, которому не нужно извиняться за грехи своих отцов. Выражая эту точку зрения, депутат парламента от ЛДП С. Такаити в 1995 г. заявила в ходе дебатов по поводу резолюции, посвященной 50-летию окончания Второй мировой войны: «Поскольку я не являюсь частью поколения, прошедшего войну, я не испытываю чувства раскаяния»¹⁷.

Между тем для многих стран Азии, и прежде всего Китая и Южной Кореи, вопрос об извинениях стал дополнительной возможностью политического шантажа Японии с целью выторговать у нее определенные уступки в иных областях. Свою роль играют и экономические причины, а именно – более низкий по сравнению с Японией экономический статус. Осознание того, что в случае, если публичные высказывания японских официальных лиц по вопросам исторического прошлого будут содержать оскорбительный для них смысл, эти страны не смогут дать адекватного

¹⁶ Moore Gregory J. History, Nationalism and Face in Sino-Japanese Relations // Journal of Chinese Political Science. 2010. No. 15. P. 290–292.

¹⁷ Асахи симбун. 15.05.2013.

ответа (например, применив к Японии эффективные экономические санкции), по мнению японского исследователя Я. Онума, побуждало их таить в себе определенную неудовлетворенность даже в тех случаях, когда японская сторона подтверждала свое раскаяние¹⁸.

Еще одним аспектом проблемы исторического прошлого, который периодически проявляет себя в отношениях со странами Азии, является вопрос об учебниках истории.

С начала 1950-х гг. в Японии продолжаются дискуссии по вопросу об учебниках истории для средней школы повышенной ступени. Учебники истории в Японии должны пройти процедуру утверждения министерством образования, которое вправе давать предписания относительно корректировки текстов. Подача в учебниках исторических событий и их интерпретация стала объектом политического противостояния: чиновники министерства образования настаивают на более «патриотическом» взгляде на события истории, тогда как прогрессивные историки, отражающие левые и пацифистские взгляды – на более объективном освещении истории. Проблема учебников истории, таким образом, явилась отражением «системы 1955 г.», основанной на внутривнутриполитическом противостоянии консервативных и левых сил страны.

В министерстве образования комиссии по сертификации учебников еще в 1950-е гг. были укомплектованы экспертами консервативной ориентации, выступавшими за усиление «патриотических» элементов в историческом образовании, предполагающих повышенное внимание к освещению роли императора и интересов японского государства. Минобр периодически предписывал авторам изменить текст представленных рукописей учебников.

Оппонентом министерством образования в период холодной войны выступал профсоюз учителей, находившийся под сильным влиянием Социалистической партии, а также ряд независимых профессоров, представлявших либеральное крыло японской интеллигенции. Наиболее крупным его представителем можно назвать профессора Токийского университета Иэнага Сабуро, который с 1962 по 1993 гг. с переменным успехом судился с министерством образования по поводу даваемых последним предписаний относительно текста учебников.

Предписания минобра касались как отдельных терминов и формулировок, так и целых абзацев рукописей учебников. Так чиновники минобра неоднократно выступали против определения Тихоокеанской войны как «безрассудной»¹⁹. Под предлогом недостатка однозначного документального подтверждения определенных фактов экспертная ко-

¹⁸ *Onuma Yasuaki*. Japanese War Guilt and Postwar Responsibilities of Japan // *Berkeley Journal of International Law*. 2002. No. 20. P. 603.

¹⁹ *Moore Gregory J.* History, Nationalism and Face in Sino-Japanese Relations // *Journal of Chinese Political Science*. 2010 No. 15. P. 292.

миссия минобра неоднократно требовала смягчить некоторые нежелательные формулировки, сократить или полностью убрать упоминание об определенных фактах и т. д. Это, например, касалось оценки масштабов «Нанкинской резни», число жертв которой, по разным оценкам, разнилось от «не очень большого количества» до 80 тыс. изнасилованных и 450 тыс. убитых²⁰.

Еще один пример касается интерпретации окинавского сражения, в котором японская императорская армия предстает в неприглядном свете. В начале 1980-х гг. минобр дал указание автору одного из учебников вычеркнуть из текста упоминание о массовых самоубийствах окинавцев и особенно о роли японской армии в инспирировании этих самоубийств²¹. Требования минобра неоднократно вызывали протесты широких масс окинавцев – например, летом 2007 г., когда на острове прошли крупнейшие за несколько десятилетий демонстрации.

Острота проблемы учебников на внутриполитической повестке дня связана с ее идейно-мировоззренческим подтекстом. Как писал председатель Asia Foundation А. Хорват, «в настоящее время проблема заключается главным образом не в самих учебниках, а в том факте, что в отсутствие примирения между собой критики и сторонники правительства обращаются к учебникам в поисках четких свидетельств того, как японское государство видит прошлое нации»²².

В послевоенной истории наблюдалось несколько всплесков общественного интереса к проблеме учебников. Однако на международный уровень эта проблема вышла только в начале 1980-х гг., когда начался новый виток холодной войны, а Япония более определенно позиционировала себя как верного союзника США, связанного с ними, по выражению Я. Накасонэ, «единством судеб». После 1980 г., когда ЛДП удалось существенно потеснить левые силы и вновь вернуть себе уверенные позиции в парламенте, вопросы идеологии, в числе которых не последнее место занимало «патриотическое образование», получили в политике правительства явный приоритет. Именно тогда со стороны правительства стал в полном объеме проявляться подход к учебникам истории как к важному инструменту идеологической борьбы.

²⁰ Horvat Andrew. Overcoming the Negative Legacy of the Past: Why Europe is a Positive Example for East Asia //The Brown Journal of International Affairs. 2004. Volume XI. Issue 1. P. 144.

²¹ Речь шла о том, что японцы считали коренных жителей Окинавы, этнически отличающихся от коренных японцев, не вполне лояльными. Как пишут Ё. Нодзак и М. Зельден, японские военные, привлекая массы окинавцев к строительству оборонительных сооружений, были озабочены сохранением военных секретов. Распространение среди окинавцев слухов о зверствах американцев с целью побудить их совершить самоубийство было одним из способов предотвращения утечки информации. См. *Nozaki Yoshiko and Selden Mark. Japanese Textbook Controversies, Nationalism, and Historical Memory: Intra- and Inter-national Conflicts The Asia-Pacific Journal: Japan Focus* <http://www.japanfocus.org/-Mark-Selden/3173>

²² Horvat Andrew. Overcoming the Negative Legacy of the Past: Why Europe is a Positive Example for East Asia //The Brown Journal of International Affairs. 2004. Volume XI. Issue 1. P. 142.

В 1981–82 гг. минобром был одобрен учебник, в котором содержалась качественно новая оценка многих исторических событий, основанная на приукрашивании политики японского государства. Так, действия японской императорской армии на материке в период Тихоокеанской войны были охарактеризованы не как «агрессия», а просто как «продвижение». В сторону позитива пересмотрена была и оценка колониального господства Японии в Корее. Характерно, что «корейское движение за независимость» было охарактеризовано в этом учебнике как «корейские бунты»²³. Выход нового учебника вызвал не только официальные протесты со стороны Пекина и Сеула, но и массовые антияпонские выступления в Китае и Южной Корее, а также недовольство стран ЮВА, в которых еще сохранялась сильная историческая память о японской агрессии.

С учетом того, что развитие дипломатических контактов с восточно-азиатскими странами составляло тогда для Японии важнейшую внешнеполитическую задачу, минобру пришлось принять в числе критериев сертификации учебника т. н. «пункт о соседних странах» (*кинрин сёкоку дзёко*), в соответствии с которым тексты учебников должны способствовать развитию дружественных отношений Японии с азиатскими странами. В результате после 1982 г. учебники стали более взвешенными и самокритичными.

В середине 1990-х гг. на политической арене Японии усиливается националистическое крыло, выступавшее за прекращение «мазохистского взгляда» на историю. В 1997 г. было образовано «Общество создания нового учебника истории», поставившее своей целью создать «патриотический» учебник истории. По мнению одного из лидеров общества профессора Токийского университета Фудзикока Нобукацу, учебники истории стали «кинструментом международной политики»²⁴, а японцы подчинились взглядам победителей на историю, вместо того, чтобы самим подумать о ней²⁵. В результате деятельности общества в 2002 г. появился «Новый учебник истории» для средней школы второй ступени. В тексте учебника «Нанкинская резня» была именована «Нанкинским инцидентом», а война, которую Япония вела в Азии, была представлена как «акт самозащиты», который параллельно решал задачу освобождения азиатских народов от колониального ига Запада. Никак в учебнике не обозначалась и проблема «женщин комфорта»

Выход учебника вызвал ожесточенную критику со стороны Китая, Южной Кореи и ряда азиатских стран. В апреле 2005 г. пройдя несколько этапов согласования, учебник был одобрен минобром, который

²³ Asahi Shimbun, 26 June 1982

²⁴ Цит. по: Lawson Stephanie and Tannaka Seiko. War memories and Japan's 'normalization' as an international actor: A critical analysis European Journal of International Relations. 2011. No. 17. P. 418.

²⁵ Ibid. P. 411.

дал предписание внести в его текст около 130 исправлений²⁶. Однако решение о том, включать ли учебник в учебный процесс, должны были принимать региональные комиссии по образованию. С ожесточенными протестами выступили Китай и Южная Корея. Тем не менее, международно-политические последствия для Японии, связанные с ситуацией вокруг данного учебника, оказались существенно более весомыми, чем его реальное влияние на историческое образование в стране – когда страсти улеглись, выяснилось, что данный учебник получил долю рынка в объеме лишь около 0,4%²⁷.

Ощутимое воздействие на отношения Японии со странами-соседями, и в первую очередь с Республикой Корея, оказывает еще одна проблема исторического прошлого – проблема т. н. «женщин комфорта». Ее суть заключается в том, что в ряде азиатских стран, пострадавших от японской агрессии, с требованиями компенсаций от японского правительства выступает группа женщин, которая в годы войны подвергалась насильственной сексуальной эксплуатации со стороны японских военнослужащих на т.н. «станциях комфорта» (по сути, в домах терпимости для военнослужащих), организованных при поддержке японских военных властей.

Имеются разные оценки количества женщин, вовлеченных в период Второй мировой войны в сексуальное рабство – от 20 тыс. до 200 тыс. и даже более. Значительную их часть составляли кореянки и филиппинки, хотя имелись представительницы других азиатских наций (Таиланд, Вьетнам, Малайзия, Индонезия, Тайвань и иные территории, оккупированные японской императорской армией), а также некоторое количество европейских женщин (голландки и австралийки). «Станции комфорта» были расположены в Китае, Японии, Индонезии, на Филиппинах, Малайзии, Бирме, Таиланде, Новой Гвинее, Французском Индокитае и других странах, входивших в период Тихоокеанской войны в зону военного контроля японской армии.

Проблема «женщин комфорта» актуализировалась только в начале 1990-х гг. Это было связано с несколькими причинами. Во-первых, в Китае, Южной Корее, на Тайване и некоторых других странах Восточной Азии в тот период стал наблюдаться подъем национального самосознания в связи с достигнутыми к тому времени экономическими успехами. Актуализация проблемы «комфортных женщин» явилась отражением всплеска «экономического национализма» в этих странах, а также усиления борьбы за экономическое и политическое лидерство в регионе, в ходе которой Япония начала утрачивать лидерские позиции. Выдвиже-

²⁶ Moore Gregory J. History, Nationalism and Face in Sino-Japanese Relations // Journal of Chinese Political Science. 2010 No. 15. P. 292.

²⁷ Japan as a 'Normal Country': a Nation in Search of its Place in the World // Ed. by Yoshihide Soeya, Masayuki Tadokoro and David A. Welch. University of Toronto Press, 2012. P. 175.

ние проблемы «комфортных женщин», таким образом, стала выступать в качестве одного из средств давления на Японию в рамках ужесточающейся конкурентной борьбы.

Во-вторых, в 1990-е гг. в мире наблюдался рост интереса к проблемам прав человека, как в международных организациях, так и на уровне межгосударственных отношений. Проблема «комфортных женщин», таким образом, стала привлекать к себе внимание в широком контексте международного интереса к правозащитной тематике, ставшей неотъемлемой частью международно-политической повестки дня.

В-третьих, в связи с ростом значения популизма в политике проблема «комфортных женщин» обрела и внутривнутриполитическое звучание, став в Южной Корее важным ресурсом для поддержания рейтингов действующей администрации.

Между тем специфика проблемы «комфортных женщин» заключалась в ее гуманитарном характере, связанном с тем обстоятельством, что в живых к тому времени оставалось лишь несколько десятков кореянок, работавших на «станциях комфорта». Выдвижение данного вопроса в плоскости компенсационных выплат рассматривалось как последняя возможность отдать им дань уважения как специфической категории жертв военного времени.

Почему же проблема «комфортных женщин» фактически замалчивалась на протяжении нескольких послевоенных десятилетий? Это было связано не только с проводившейся странами-победительницами политикой «облегченной ответственности» Японии, о которой шла речь выше, но и с деликатностью и сложностью данной темы, связанными с тем обстоятельством, что для многих из «комфортных женщин» публичное обсуждение данного вопроса было чревато риском не просто «потери лица», но и остракизма со стороны собственных сограждан. Кроме того, правительства стран, которых представляли «женщины комфорта», не слишком охотно шли на выдвижение соответствующих претензий, так как не всегда признавали этих женщин в качестве жертв, по крайней мере, в полноценном качестве (особенно это касалось правительства Южной Кореи, для которого категория «женщин комфорта» считалась не вполне «достойной» в списке социальных групп, пострадавших от насилия в годы войны). Играли роль и юридические моменты: после 1965 г., когда Япония и Южная Корея подписали ряд договоров, по которым стороны отказывались от взаимных претензий по итогам Второй мировой войны, «женщины комфорта», соответственно, уже не могли подавать иски о компенсациях.

В 1990 г. были опубликованы неопровержимые доказательства, свидетельствующие о причастности официальных властей Японии к практике привлечения женщин азиатских стран к оказанию сексуальных

услуг японским военным²⁸. Первый иск против правительства Японии был подан только в 1992 г., когда кореянка из числа «женщин комфорта» впервые дала публичные показания. В середине 1990-х гг. японский профессор Ё. Ёсими опубликовал ряд документов из японских военных архивов, доказывающих системный характер официальной поддержки практики «утешения»²⁹. На основании свидетельств корейских, китайских, тайваньских и филиппинских жертв из числа «женщин комфорта» было принято к рассмотрению в комиссии ООН по правам человека.

Реакция японского правительства была противоречивой: с одной стороны, из уст премьер-министра К. Миядзава в январе 1992 г. в адрес бывших «женщин комфорта» прозвучали официальные извинения, с другой – Токио дал понять, что условия японо-южнокорейского договора 1965 г. не дают никаких возможностей требовать компенсации в судебном порядке³⁰. Наибольшую известность получило заявление генерального секретаря кабинета министров Ё. Коно, который 4 августа 1993 г. официально признал, что японское правительство было прямо или косвенно вовлечено в дело организации и управления «станциями комфорта» и привлечения к работе там «женщин комфорта». Ё. Коно выразил тогда извинения за нанесенные жертвам «неизмеримую боль и неизлечимые физические и психологические раны».

Однако попытки японских властей решить вопрос с компенсациями южнокорейским жертвам на неофициальном уровне, используя для этого частные пожертвования, фактически провалились. Во многом этому способствовала позиция южнокорейского правительства, которое предложило еще более ощутимую компенсацию каждой жертве, которая откажется принимать деньги и письма с извинениями из Японии³¹.

В дальнейшем южнокорейские власти неоднократно поднимали проблему «женщин комфорта» на официальном уровне и критиковали японское правительство за нежелание рассматривать вопрос о выплате компенсаций. Например, в ходе встречи с японским премьер-министром Ё. Нода в декабре 2011 г. президент РК Ли Мён Бак подчеркнул важность решения проблемы «женщин комфорта» для развития двусторонних отношений, в ответ на что японский лидер, повторив тезис о том, что все вопросы о выплате компенсаций решены договором 1965 г., выразил готовность прилагать усилия для разрешения гуманитарного аспекта проблемы³².

²⁸ Horvat Andrew. Overcoming the Negative Legacy of the Past: Why Europe is a Positive Example for East Asia // The Brown Journal of International Affairs. 2004. Volume XI. Issue 1. P. 142

²⁹ Ёсими Ёсуаки. Дзюгун ианфу («Женщины комфорта» в армии). Токио, 1995.

³⁰ Lawson Stephanie and Tannaka Seiko. War memories and Japan's 'normalization' as an international actor: A critical analysis European Journal of International Relations. 2011. No. 17. P. 416.

³¹ Horvat Andrew. Overcoming the Negative Legacy of the Past: Why Europe is a Positive Example for East Asia // The Brown Journal of International Affairs. 2004. Volume XI. Issue 1. P. 142

³² Япония в поисках новой глобальной роли. М., 2014. с. 249.

Между тем в январе 2013 г. генеральный секретарь правительства Ёсихидэ Суга заявил, что власти пока не могут вынести однозначного решения относительно солидарности с заявлением Коно³³. В марте 2014 г. Ё. Суга заявил о том, что японское правительство будет придерживаться заявления Коно, но проведет собственное расследование относительно обстоятельств его появления, включая роль правительства Южной Кореи в его появлении, а также аутентичность свидетельских показаний «женщин комфорта»³⁴.

Свою остроту в списке проблем исторического прошлого сохраняет проблема визитов японских официальных лиц в синтоистский храм Ясукуни, где, как считается, покоятся души японцев, отдавших жизнь за свою родину. Начиная с 2000-х гг. храм неоднократно посещали члены кабинета министров Японии, в том числе и премьер-министры. Например, Дз. Коидзуми в период своего пребывания у власти в 2001–2006 гг. посетил храм Ясукуни шесть раз, причем последний раз – в 2006 г. – сделал это 15 августа, в день принятия Японией Потсдамской декларации.

Бесспорно, для японских лидеров визит в храм Ясукуни имеет в первую очередь внутрисполитическое звучание, позволяя обеспечить консолидацию базы электоральной поддержки, в которой значительное место занимают консервативные слои населения. Однако для окружающих Японию народов Восточной и Юго-Восточной Азии визиты представителей правительства в храм Ясукуни выступают однозначным свидетельством возрождения японского милитаризма. По мнению корейского исследователя Пак Чол Хи, «в глазах корейцев и китайцев данный ритуал может быть интерпретирован как политический жест, призванный оправдать военное и колониальное прошлое, так как в храме Ясукуни канонизированы военные преступники класса А»³⁵.

* * *

Задача борьбы с «признаками прошлого», особенно касающихся событий Второй мировой войны, прочно закрепились в списке внешнеполитических приоритетов Токио. Одной из главных задач ооновской дипломатии Токио стало устранение из Устава ООН «несправедливого» тезиса о «враждебных государствах». Негативно реагирует Япония на попытки привлечь международное внимание к различным событиям Тихоокеанской войны, в которых японский милитаристский режим

³³ Асахи симбун 05.01.2013.

³⁴ Асахи симбун. 12.03.2014.

³⁵ *Park Cheol Hee*. The Pattern of Cooperation and Conflict between Korea and Japan: Theoretical Expectations and Empirical Realities / Japanese Journal of Political Science. Volume 10. Issue 03. December 2009. P. 257.

предстает в неприглядном свете. Например, крайне нервно реагировали в Токио на решение России об установлении памятной даты окончания Второй мировой войны, на информацию о планах России провести совместно с Китаем празднование юбилея окончания Второй мировой войны и т. д.

Особенно отчетливо этот аспект внешнеполитического курса обозначился после прихода к власти в декабре 2012 г. второго кабинета Абэ. Одним из основных тезисов, выдвинутых С. Абэ в период предвыборной борьбы, был лозунг «покончить с послевоенным режимом», т. е. всеми законодательными и иными ограничениями, определявшим в послевоенный период пацифистский статус Японии.

Обращает на себя внимание тот факт, что по вопросам исторического прошлого второй кабинет Абэ нередко проявлял достаточно двусмысленную, а иногда – и открыто ревизионистскую позицию. Так, в одном из своих публичных выступлений в апреле 2013 г. глава кабинета министров заявил об отсутствии четкого определения понятия «агрессия», добавив, что понятие «агрессии» еще подлежит определить научному сообществу³⁶. С. Абэ публично заявил о том, что правительство «не обязательно» разделяет позицию, изложенную в заявлении Мураяма. Эта же позиция была изложена в высказываниях тогдашнего главы Совета заявля 12 мая 2013 г. о своем несогласии с заявлением Мураяма по той причине, что в нем используется слово «агрессия». «В то время (войны) считалось, что наш народ был вынужден вести решительную борьбу за собственное выживание», – отметила С. Такаити³⁷. Только перед лицом массовых протестов генеральный секретарь кабинета министров Ё. Суга был вынужден заявить о том, что правительство «полностью присоединяется» к заявлению Мураяма³⁸.

В другом своем публичном выступлении С. Абэ отрицал наличие достаточных доказательств существования практики насильственного рекрутирования корейских женщин в «станции комфорта»³⁹. Примером эпатажного поведения С. Абэ стала его фотосессия за штурвалом японского военного самолета с цифрами 731 на фюзеляже, вызывающими зловещие ассоциации с японским Отрядом 731, занимавшимся в годы Второй мировой войны разработкой бактериологического оружия в Манчжурии. В декабре 2013 г. С. Абэ посетил храм Ясукуни, что вызвало резкую реакцию не только со стороны азиатских стран-соседей, но и Соединенных Штатов, которые выразили свое «разочарование» по поводу поведения японского лидера.

³⁶ Асахи симбун 14.05.2013.

³⁷ Асахи симбун. 14.05.2013.

³⁸ Асахи симбун. 14.05.2013.

³⁹ <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2324225/Toru-Hashimoto-Mayor-defends-using-women-sex-slaves-Japan-WWII-claiming-soldiers-needed-discipline.html>

Во многом по причине неурегулированности проблем исторического прошлого дипломатические, экономические, культурные и иные контакты Японии с Китаем, Республикой Корея и многими странами Юго-Восточной Азии продолжают развиваться с большим трудом. Однако нельзя отрицать и то, что тема исторического прошлого используется Китаем и Южной Кореей в интересах собственной политической выгоды.

Особенно активно использует «историческую карту» Китай. Жестко критикуя позицию Японии за неуступчивость по вопросу о принадлежности островов Сэнкаку/ Дьяоюйдао, за визиты в храм Ясукуни, за «ревизионистские» высказывания по вопросам исторического прошлого, Пекин с 2012 г. отказывается от проведения двусторонних встреч на высшем уровне. Проблемы исторического прошлого заняли прочное место во внешнеполитической инструментальной Пекина для дискредитации Японии на международной арене как страны, «недостойной» претендовать на роль глобального политического лидера, поскольку она не продемонстрировала в должной мере свое «покаяние» за прошлые грехи и активно проводит политику «возрождения милитаризма». Как отмечал японский исследователь Т. Хосияма, «историческая карта» в руках Китая является не просто средством оказания давления и проведения пропаганды в отношении Японии. Это еще и «международная карта», призванная ухудшить имидж Японии и способствовать продвижению дипломатического курса Китая в соответствующих областях»⁴⁰.

Фактически заморожен был политический диалог между двумя странами и южнокорейским руководством, недовольным опять-таки визитами в храм Ясукуни, а также отсутствием прогресса в деле решения проблемы «комфортных женщин». Так, двусторонних контактов на высшем уровне не проводилось в период с 2005 по 2009 гг. и в период с 2012 по 2014 гг. Сильно пострадали наметившиеся в свете обострения проблем Корейского полуострова японо-южнокорейские связи в области безопасности. Заложником сложившейся ситуации стали и трехсторонние форматы сотрудничества: в 2012 г. был приостановлен переговорный процесс по вопросу о формировании трехсторонней зоны свободной торговли в Северо-Восточной Азии.

Наличие больших проблем в установлении взаимопонимания показали и попытки найти общий взгляд на историю и наладить взаимодействие на академическом уровне. В 2001 г. между правительствами Японии и Южной Кореи была достигнута договоренность создать специальную совместную экспертную комиссию по вопросам истории двусторонних отношений. Деятельность комиссии позволила ввести в

⁴⁰ Hoshiyama Takashi. New Japan-China Relations and the Corresponding Positioning of the United States – History, Values, Realism in a Changing World *Asia-Pacific Review*. 2008. Vol. 15. No. 2. P. 84

научный оборот большое количество новых исторических документов. Однако в подготовленном к июню 2005 г. заключительном докладе были выявлены принципиальные различия в позициях сторон, особенно по вопросам колониального прошлого Кореи⁴¹. Различия в подходах к различным аспектам истории военного и послевоенного периодов продемонстрировали результаты трехлетней работы комиссии историков Японии и КНР, образованной в 2006 г. на основе договоренности, достигнутой на межправительственном уровне. Несогласие сторон особенно сильно проявилось в вопросах оценки количества жертв «Нанкинской резни»⁴².

Проблемы исторического прошлого в обозримом будущем будут продолжать определять общую напряженную атмосферу международных отношений на Дальнем Востоке. Несмотря на постепенную смену поколений, которая, казалось бы, должна только ослаблять «историческую память», можно ожидать, что с течением времени степень актуальности этих проблем снижаться не будет. Главная причина этого заключается в том, что проблемы прошлого в принципе не могут быть решены путем дипломатических переговоров между странами, поскольку на кону стоят вопросы национальной идентичности, национальной гордости и национального достоинства. Это обстоятельство неизбежно будет вносить коррективы в развитие политической и даже военно-стратегической обстановки в регионе, препятствуя формированию эффективных многосторонних механизмов обеспечения международной безопасности.

⁴¹ Japan as a 'Normal Country': a Nation in Search of its Place in the World Ed. By Yoshihide Soeya, Masayuki Tadokoro and David A. Welch. University of Toronto Press, 2012. P. 175.

⁴² The Japan Times. 21.01.2010.